

Анна Шилд
Ада Огнева

ВЕТЕРИНАРНАЯ
КЛИНИКА

24
ЧАСА

ЗДОРОВЫЕ
ЛЮДИ
СЧАСТЛИВЫЕ
ЖИВОТНЫЕ

Таганка

ПРИРУЧИТЬ мажора

Ада Огнева

Приручить мажора

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Приручить мажора / А. Огнева — «Автор», «Автор», 2026

Ночная ветеринарная клиника, задыхающийся доберман и хозяин, привыкший покупать всё — от лечения до чужого послушания. Даша Соколова спасает пса и возвращает Марку Воронову деньги. Такого оскорбления его обаяние ещё не знало. Мажор заключает пари: за двадцать один день упрямая ветеринарша влюбится в него и придёт с ним на закрытую вечеринку. Он рассчитывает на миллионы и улыбку. Даша гораздо охотнее доверила бы ему швабру и ночное дежурство. Чтобы выиграть, Марку придётся стать полезным. Только останется ли победа его главной целью?

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Шилд

Приручить мажора

Приручить мажора

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

В три часа ночи в полуподвале нашей ветеринарной лечебницы на Таганке время обычно сворачивалось в тугой, ленивый узел.

Здесь всегда пахло одинаково. Этот густой, въедливый коктейль я могла бы узнать с завязанными глазами в любой точке земного шара. Свежий раствор хлорамина от вымытого линолеума мешался с едким медицинским изопропиловым спиртом, сушеной морской рыбой из вскрытого мешка диетического корма, щенячьим ромашковым шампунем и мятным чаем. Чай остывал в моей щербатой керамической кружке с отколотым краешком ручки. Ручку два месяца назад случайно откусил полуторагодовалый кане-корсо, когда я неосторожно поставила кружку возле рентгеновского аппарата.

Старый холодильник с вакцинами в углу процедурной гудел низко и натужно, словно внутри него задышался уставший тракторный дизель. На выкрашенной серой масляной краской стене монотонно тикали пластиковые часы в виде длинной веселой таксы. Ее хвост служил маятником и методично раскачивался влево и вправо, отсчитывая секунды до утреннего пере-сменка. За крошечным зарешеченным окном под самым потолком шуршал холодный ноябрь-ский дождь вперемешку с колючей снежной крупой. Вода хлюпала в водосточной трубе и редкими холодными каплями просачивалась сквозь старую рассохшуюся раму прямо на под-оконник, где лежала сложенная вчетверо тряпка.

Я сидела на расшатанном металлическом стуле у регистрационной стойки, ссутулив плечи под безразмерным серым худи с карманом-кенгуру. Рукава кофты были закатаны до локтей, открывая предплечья, сплошь покрытые белыми полосками старых царапин и жел-товатыми разводами въевшегося аптечного йода. Мои пальцы держали обычную шариковую ручку с погрызенным колпачком, старательно выводя строчки в потрепанном бумажном жур-нале ночного дежурства. За спиной гудела поясница. Два часа назад мы с главным врачом Павлом Петровичем вправляли вывих тазобедренного сустава сорокакилограммовому беспо-родному псу по кличке Буран, сбитому на Садовом кольце, и мои мышцы до сих пор ныли от непрерывного мышечного упора.

Дома, в крошечной съемной однушке на Школьной улице, меня ждала Кнопка. Трехцвет-ная кошка с перебитым позвоночником спала сейчас на теплой шерстяной подстилке возле чугунной батареи. Я подобрала ее два года назад на обочине Рязанского проспекта, собрала по частям раздробленный таз, смастерила маленькую двухколесную тележку для задних лап и оставила себе навсегда. Мысли о кошке приятно грели, обещая горячий душ и четыре часа глухого сна после восьми утра.

— Даш, если наш автоклав еще раз зашипит как рассерженная гадюка, я напишу заявле-ние по собственному желанию, — Полина с глухим стуком поставила жестяную банку с чаем на деревянную стойку.

Нашей бессменной ночной администраторше было двадцать три. Она куталась в длинный вязаный кардиган цвета увядшей лаванды, держала озябшие пальцы на горячих боках пузатой кружки и непрерывно зевала.

— Не напишешь, Поля, — отозвалась я, не отрывая глаз от журнала. — Ты без нашего бесплатного зоопарка затоскуешь на третий день. Кто еще в этом городе доверит тебе чесать пузо трехмесячным британским котяткам и пить бергамотовый чай под аккомпанемент коша-чьего стационара?

— Котятки пушистые, а автоклав железный и плюется кипятком, — проворчала Полина, сдувая пар с темной поверхности чая. — И вообще, Костя полчаса назад прислал мне картинку с грустным енотом. Написал, что осознал свои ошибки и готов начать все с чистого листа.

— Напиши ему, что у нас на приеме как раз освободилось место для вакцинации от бешенства, — посоветовала я, аккуратно ставя точку в графе выданных антибиотиков. — Скидка для бывших парней пятьдесят процентов. Шприц возьмем потолще, чтобы осознание закрепилось на клеточном уровне.

Полина фыркнула в кружку, но ответить не успела.

Тишину безлюдного переулка за окном разорвал оглушительный, визгливый вой тормозов. Спортивные покрышки намертво вцепились в мокрый холодный асфальт. Двигатель с глухим низким ревом заглох. Раздался резкий, металлический хлопок захлопнувшейся автомобильной двери.

Тяжелые торопливые шаги загремели по бетонным ступеням нашего крутого полуподвального спуска.

Через секунду входная металлопластиковая дверь с грохотом распахнулась от мощного пинка тяжелого кожаного ботинка. Стеклопанель в полотне жалобно зазвенела, косой сноп мокрого ветра и ледяных брызг ворвался в душную приемную, мгновенно сдув со стойки стопку пустых регистрационных бланков.

В проеме стоял высокий широкоплечий мужчина.

На нем было расстегнутое темно-серое графитовое пальто из плотного, явно баснословно дорогого кашемира. Полы пальто промокли от дождя и тяжело обвисли. Под пальто белела тончайшая шелковая рубашка с расстегнутым воротом, обнажавшим ключицы. Мокрые темные волосы прядями прилипли к его высокому лбу. На холеном, гладко выбритом лице застыла липкая, мертвенная бледность, а темные глаза горели диким, бешеным огнем загнанного зверя.

На руках он нес собаку.

Это был огромный королевский доберман с купированными ушами и коротким хвостом. Сорок с лишним килограммов сплошных рельефных мускулов и черной блестящей шерсти с густым ржаво-рыжим подпалом на груди и морде. Но сейчас этот грозный породистый великан висел в руках мужчины тяжелым, безвольным мешком.

Из клиники мгновенно выветрился весь сонный покой. Воздух наполнился жутким, свистящим хрипом, от которого у меня мороз продрал по коже до самых кончиков пальцев.

Доберман задыхался.

Из его широко распахнутой пасти с длинными белыми клыками толчками вываливался распухший, синюшно-фиолетовый язык. Густая, тягучая пенистая слюна с бурыми каплями свежей крови текла по черным брылям и крупными каплями падала прямо на белоснежный шелк мужской рубашки, оставляя на тонкой ткани мерзкие ржавые разводы. Глаза собаки остекленели и закатились под лоб, обнажая воспаленное третье веко. Мощные когтистые лапы судорожно скребли холодный воздух в поисках опоры, ребра ходили ходуном, втягиваясь под реберную дугу с глухим влажным всхлипом.

Пес делал попытку вдохнуть, захлебывался собственной слюзью и сипел так, словно в его глотку загнали стальной клин.

Мужчина тяжело дышал, его грудь ходила ходуном под мокрой тканью. Дорогие швейцарские часы на широком запястье блеснули золотым ободком под пыльной люминесцентной лампой. Он едва держался на ногах от чудовищного веса собаки, но вместо того чтобы позвать на помощь, привычно и яростно пошел на таран.

— Врача сюда! — заорал он во все горло, и его низкий, сорванный голос эхом ударил по кафельным стенам подвала. — Где главный? Шевелитесь, уроды! У меня собака подыхает! Отдельную палату, лучшую реанимацию, живо! Я вам эту халупу целиком выкуплю и под корень снесу, если он сдохнет через минуту!

Полина от неожиданности вжалась в спинку стула и побелела, инстинктивно прижав ладони к груди.

Мужчина подошел к стойке, на мгновение опер тяжелое тело пса о ее край, и его пальцы метнулись во внутренний карман распахнутого кашемира. Он выхватил тяжелую металлическую карту матового черного цвета с платиновым тиснением и с яростным стуком швырнул ее на деревянную столешницу прямо перед носом Полины. Карта подпрыгнула, сбив стаканчик с ручками.

— Десять лимитов списывайте, плевать! — прорычал он, нависая над стойкой. — Кислород ему, укол в сердце, делайте что-нибудь!

Внутри меня в ту же долю секунды щелкнул невидимый тумблер.

Весь сонный туман, усталость от ночного дежурства и ноющая боль в спине испарились без следа. Когда на кону стояла собачья жизнь, а счет шел на удары пульса, для меня переставали существовать богатые клиенты, дорогие пальто и любые человеческие статусы. Оставался только пациент, кислородное голодание и отек тканей.

Я вскочила со стула. Мой голос прозвучал тихо, сухо и холодно, как удар скальпеля по металлическому лотку. Но в этой тишине звенела такая несокрушимая тяжесть, что крик мужчины мгновенно захлебнулся.

— Заткнитесь, — сказала я, глядя ему прямо в расширенные зрачки. — Карту свою со стола заберите и засуньте обратно в карман. Она искусственную вентиляцию легких делать не умеет. Собаку — на смотровой стол. Бегом. И отойдите на два шага назад, пока он вас с перепугу за сонную артерию не прихватил.

Мужчина поперхнулся воздухом. Его холеное лицо вытянулось от изумления. Он явно привык, что перед его золотыми часами и черными картами любые двери распахиваются с подобострастным поклоном, а тут какая-то пигалица в застиранном сером балахоне с йодом на руках приказывает ему закрыть рот.

— Что ты вякнула, санитарка? — прошипел он, но в его глазах среди бешенства уже плескалась откровенная паника.

— На стол, я сказала! — рявкнула я уже в голос, обходя стойку. — У него асфиксия третьей степени, язык синий, он уже теряет сознание. Хотите похоронить пса прямо в дверях — продолжайте орать.

Мои слова действовали как ушат ледяной воды.

Мужчина дернулся, шагнул в процедурный кабинет и с трудом опустил тяжелое тело добермана на холодную поверхность металлического смотрового стола. Но стоило ему ослабить железную хватку, как обезумевший от нехватки воздуха пес инстинктивно взвился.

Доберман судорожно выгнул шею, его челюсти с лязгом сомкнулись буквально в паре сантиметров от лица хозяина. Острые белые клыки вспороли воздух, едва не задев щеку парня.

Мужчина отшатнулся с коротким, паническим вскриком. Его ноги в мягких дизайнерских лоферах заскользили по влажному кафелю, он взмахнул руками и со всего маху врезался спиной в покрашенную стену. Со стены посыпалась белая известковая пыль, густо испачкав плечо его кашемирового пальто. На лбу у него выступили крупные блестящие капли холодного пота. Он прижал ладони к груди, глядя на собственного пса с нескрываемым первобытным ужасом.

— Он взбесился! — выдохнул он, судорожно глотая воздух. — Он меня не узнает! Сделайте ему транквилизатор, парализуйте его, он же перекусит мне горло!

Глава 2

— Он задыхается, хозяин года, — бросила я через плечо. — Животные в агонии кусают все, что движется. А вы бросили его на гладкой стали.

Я уже стояла у стола. Мои пальцы привычным автоматическим движением сорвали с держателя пару синих плотных нитриловых перчаток. Резина сухо и звонко щелкнула на моих запястьях.

Зубы щелкнули возле моего запястья. Я убрала руку из-под пасти и пододвинула резиновый валик: голова скользила по стали, и каждый рывок пугал пса еще сильнее.

Я шагнула вплотную к столу, прижавшись бедром к стальному бортику. Мой голос изменился в одно мгновение. Он стал низким, мягким, тягучим и бархатистым, каким разговаривают с маленькими испуганными детьми в темноте.

— Тихо, мой хороший. Тихо, мальчик. Я держу тебя, слышишь? Я с тобой. Смотри на меня, дуралей. Дыши носом.

Доберман издал утробный, булькающий стон, его челюсти снова оскалились, демонстрируя ряд мощных зубов. Но я не стала отдергивать руки. Моя левая ладонь плавно и властно легла прямо на горячий черный лоб между купированными треугольниками ушей.

Я нащупала затылочный бугор и мягко, всем весом своего тела прижала тяжелую собачью голову к резиновому коврику стола, лишая его возможности сделать резкий боковой мах. Одновременно пальцы правой руки ловко скользнули по спинке носа и перехватили верхнюю челюсть собаки сразу за крупными клыками, вдавливая мягкие ткани губ внутрь пасти. При таком захвате собака физически не может сомкнуть зубы, не прикусив собственные брыли.

Цезарь замер.

Пес еще пытался вырваться. Я удерживала голову на валике и говорила с ним, повторяя одни и те же короткие слова. Когти перестали скрести стол; горячий, прерывистый выдох обдал мои пальцы. Этой короткой передышки нам должно было хватить.

Он дал нам работать.

Мужчина у стены смотрел на нас, приоткрыв рот. Его идеальная прическа растрепалась, мокрая прядь волос упала на переносицу, а кашемировое пальто окончательно покрылось белыми разводами побелки. Он казался абсолютно беспомощным мальчишкой, у которого прямо на глазах отобрали всю его дутую власть.

Я не тратила время на зрителей.

Пальцы в синих перчатках легли на шею добермана. Он сглотнул и снова захрипел; под челюстью ткани уже наливались отеком. Я повернула его голову к свету, стараясь разглядеть, что мешает ему дышать.

— Инородное тело в глотке, — вслух констатировала я, чувствуя под пальцами мелкую дрожь собачьей трахеи. — Похоже на кость. Кровь в пасти, дыхание затруднено.

Я повернула голову в сторону коридора и крикнула во всю силу легких —

— Павел Петрович! Срочно в процедурную! Экстренная ревизия гортани, седация про-
пофолом и длинный корнцанг!

Дверь ординаторской скрипнула. На пороге появился Павел Петрович. Наш главврач, грузный пятидесятивосьмилетний ветеринарный хирург с седым ежиком жестких волос и золотыми руками, был одет в потертый синий хирургический костюм. От него привычно пахло крепким табаком «Ява» и сладким чаем.

Он окинул стол одним быстрым взглядом старого волка, мгновенно считал синеву языка собаки и перевел взгляд на мужчину у стены.

— А ты, франт в шелках, стой на месте и даже дышать не смей, — негромко, но веско произнес хирург, направляясь к металлическому шкафу с препаратами. — Если хочешь забрать свою собаку отсюда живой, а не в черном полиэтиленовом пакете.

Павел Петрович подошел к столу бесшумной походкой опытного хирурга, на ходу натягивая пару стерильных перчаток. В его пальцах блеснула длинная игла одноразового шприца, наполненного густой белесой эмульсией пропофола. Препарат походил на растопленный белый шоколад, но для нас это был единственный способ расслабить сведенную судорогой глотку пса, не отправляя его в глубокую кому.

— Держи правую переднюю, Даша, — скомандовал доктор, кивнув на лапу добермана. — Ставь катетер на шестнадцать джи. Жилы у парня крепкие, проскочим быстро.

Полина подбежала к столу и по моему указанию придержала голову на валике. Я освободила руки, нащупала резиновый венозный жгут и привычным движением захлестнула его вокруг предплечья пса, чуть выше локтевого сустава. Короткая блестящая шерсть добермана под натяжением резины слегка примялась. Вена мгновенно налилась плотной, упругой кровяной колбаской, отчетливо выступая под гладкой кожей.

Спиртовая салфетка обожгла мои пальцы резким холодом. Я провела влажным квадратиком по шерсти, оставляя темный блестящий след. В воздухе душно и остро пахло изопропиловым спиртом, начисто перебивая уличную сырость.

Мужчина у стены, видимо решив, что самое страшное позади, отлип от кафеля. Он расправил плечи, сунул одну руку в карман дизайнерских брюк и сделал два широких шага к столу, нависая надо мной слева. От него пахло горьковатым кедровым одеколоном, дорогим

виски и тем особенным запахом богатства, который складывается из кожаных салонов элитных иномарок и сухого воздуха закрытых клубов.

— Вы вообще понимаете, что делаете? — процедил он требовательным, бархатным голосом, в котором снова прорезались хозяйские нотки. — Это Цезарь. У него родословная длиннее вашей клиники, чемпион трех европейских выставок. Если у собаки из-за вашей дурацкой экономии на лекарствах остановится сердце, вы обе пойдете под суд. Лично позабочусь, чтобы ваши дипломы аннулировали до конца жизни.

Я даже головы не повернула в его сторону.

Кончик толстой розовой иглы катетера мягко и точно вошел под кожу под углом в сорок пять градусов. В прозрачной индикаторной камере мгновенно полыхнула густая, темно-вишневая венозная кровь. Я плавно продвинула пластиковую канюлю вперед по руслу вены, извлекла металлический стилет и защелкнула защитный клапан. Ни единой лишней капли мимо. Быстро зафиксировала крылышки катетера полосками белого медицинского пластыря прямо к шерсти.

— Гражданин европейский призер, отойдите на исходную позицию к стенке. — Я закрепила последний виток ленты и указала ему на пачку салфеток. — Ваш эксклюзивный кедровый одеколон перебивает собаке последние молекулы кислорода в легких. Если ваши холеные руки требуют немедленного применения в медицине — возьмите вон ту пачку марлевых салфеток и молча держите ее наготове. Больше от вас сейчас пользы ровно ноль целых и столько же десятых.

Парень поперхнулся собственным возмущением, но возразить не успел.

Павел Петрович состыковал канюлю шприца с портом катетера и начал медленно, миллилитр за миллилитром, вводить белую эмульсию.

Действие ультракороткого наркоза наступило почти мгновенно. Напряженные, каменные мускулы на шее и плечах Цезаря начали стремительно размягчаться. Тяжелые веки с длинными черными ресницами задрожали и опустились, закрывая помутневшие белки глаз. Пес шумно, протяжно выпустил из ноздрей струю горячего воздуха, обмяк всем своим сорокадвухкилограммовым телом и уронил тяжелую морду на подложенный мною резиновый валик.

— Готов, — коротко бросил хирург. — Даша, свет и расширитель. Посмотрим, чем этот горе-хозяин его накормил.

Павел Петрович щелкнул тумблером круглого налобного осветителя. Тонкий, ослепительно-белый луч хирургического света разрезал полумрак кабинета, ударив точно в расслабленную пасть добермана.

Я взяла с инструментального столика блестящий металлический роторасширитель, аккуратно завела зубчатые упоры за клыки верхней и нижней челюстей и защелкнула винтовой фиксатор. Пасть пса раскрылась широко и неподвижно. Сложенной вчетверо широкой марлевой салфеткой я осторожно захватила мясистый корень языка и плавно отвела его вперед и книзу, открывая врачу прямой доступ к гортани.

Картина в глубине зева предстала пугающая.

Ткани мягкого неба и надгортанника пылали багровым, воспаленным отеком, налившись тяжелой слизью с прожилками свернувшейся крови. А прямо над входом в трахею, намертво расклинив нежные голосовые связки, торчал массивный, зазубренный обломок толстой белой кости с острыми сколами на обоих концах. Один из осколков глубоко вспорол заднюю стенку глотки, и оттуда темной струйкой сочилась кровь.

Павел Петрович сердито крикнул, поправляя на лбу ремешок фонаря.

— Ну и дела, — протянул доктор с тяжелым сарказмом. — Баранья берцовая кость. Голяшка от запеченного окорока. Слышь, владелец чемпионов, ты его что, со своего ресторанного стола костями потчуешь?

Мужчина сглотнул слюну. Его лицо под слоем холодного пота пошло некрасивыми красными пятнами.

— В загородном клубе был банкет по случаю закрытия сезона, — выдавил он хриплым, упавшим голосом. Он смотрел на окровавленный осколок, забыв даже поправить воротник. — На веранде подавали мясо на вертеле. Цезарь стащил кость со столика официантов, пока все вышли на пирс смотреть праздничный салют. Я бросился к нему, попытался вырвать из пасти за край, а он испугался, что отниму, и сдуру проглотил ее целиком.

— Великолепная забота о питомце, — процедила я, не ослабляя хватку на марлевой салфетке. — Купить собаку по цене двухкомнатной квартиры в провинции и пичкать ее трубчатыми бараньими костями. Вам в питомнике инструкцию по содержанию доберманов забыли выдать или вы читать не обучены? Еще миллиметр в сторону, и этот осколок вспорол бы сонную артерию прямо в вашей загородной резиденции. До нас вы довели бы только остывающую тушу.

Парень открыл было рот, чтобы огрызнуться, но наткнулся на ледяной, испепеляющий взгляд Павла Петровича и благоразумно прикусил язык.

— Хватит пререканий, — оборвал нас главврач. — Даша, держи голову мертво. Никаких колебаний. Если пес дернется на манипуляции, мы разорвем ему трахеальное кольцо. Корнцанг мне.

Я подала доктору длинные, слегка изогнутые хирургические щипцы с насечками на массивных губках. Своими ладонями я намертво зафиксировала основание черепа добермана, прижимая кости к столу с такой силой, что побелели костяшки пальцев под синей резиной.

Началась самая опасная, ювелирная часть работы.

Павел Петрович медленно, с затаенным дыханием ввел концы щипцов в глубину зева. Металл инструмента тихо, неприятно скрежетнул о твердую костную ткань. Собачья гортань рефлекторно дрогнула.

— Не спать, держи, — прошептал доктор сквозь зубы.

Глава 3

Я не дышала. Время словно остановилось. За окном шелестел ноябрьский дождь, на стене монотонно тикала такса, холодильник гудел на одной низкой ноте. Единственным звуком в кабинете было свистящее, прерывистое дыхание погруженного в полудрему пса.

Губки корнцанга нащупали надежный упор и сомкнулись на толстом выступе бараньего сустава. Раздался глухой, влажный щелчок. Павел Петрович начал очень плавно, по спирали, на доли миллиметра поворачивать массивный обломок, аккуратно выводя острые зубцы из разорванной слизистой оболочки голосовой щели.

Хруст надорванной хрящевой ткани заставил мои зубы сжаться от напряжения.

Еще одно медленное, тянущее движение на себя. Влажный хлюпающий звук.

И в металлический почкообразный лоток со звонким, победным грохотом упал тяжелый двенадцатисантиметровый осколок толстой кости с косым клиновидным спилом, сплошь покрытый комьями свернувшейся крови, густой серой слизи и пузырящейся пены.

Я мгновенно подхватила вакуумный отсос, завела тонкую пластиковую трубку в просвет трахеи и за пару секунд начисто удалила скопившуюся кровь и секрет.

Грудь Цезаря мощно, судорожно дрогнула.

Его легкие расправились во всю ширь. Собака сделала первый настоящий, глубокий, жадный вдох, наполнив бронхи чистым воздухом с таким свистом, словно в комнате лопнул воздушный шар. Фиолетовый оттенок на его языке буквально за несколько секунд растаял, уступая место здоровому, теплomu розовому цвету. Сердечный толчок под моими пальцами на бедренной артерии выровнялся, став четким, ровным и упругим.

— Живой, шельма, — удовлетворенно выдохнул Павел Петрович, вытирая пот со лба тыльной стороной предплечья. — Вовремя успели. Голосовые связки подраны, но хрящи целы. Даша, следи за дыханием. Сейчас обрабатываем поврежденные ткани.

Я подала раствор и чистые салфетки. Пока Павел Петрович заканчивал обработку, действие короткого наркоза ослабевало; под моей ладонью дрогнула собачья челюсть.

В этот момент мужчина у стены, решив, видимо, что спектакль окончен, а он снова является главным режиссером этой жизни, громко и вальяжно выдохнул.

Прошло еще несколько минут. На его лицо вернулась прежняя самодовольная, насмешливая улыбка сытого плейбоя. Он небрежно стряхнул со своего кашемирового рукава крупички белой штукатурки, подошел вплотную к краю стола и снисходительно наклонился прямо над мордой приходящего в себя пса.

— Ну вот, а вы визжали на весь район, — протянул он с превосходством человека, привыкшего щелкать пальцами и получать результат. — Обычная мелкая косточка, пустяковая царапина, а паники развели на миллион рублей. Цезарь, мальчик мой, подъем! Хватит разлеживаться, поехали домой!

Лучше бы он промолчал.

Потому что вместе с ясностью сознания к доберману с чудовищной силой вернулся естественный кашлевой рефлекс, долгое время подавлявшийся отеком и седацией.

Цезарь резко, широко распахнул карие глаза. Его ноздри раздулись, ребра налились свинцовой силой. Пес судорожно втянул воздух всей пастью, издал хриплый, оглушительный утробный кашель и яростно, от всей своей могучей собачьей души чихнул три раза подряд, отчаянно и свирепо мотая тяжелой головой из стороны в сторону.

Случилась настоящая катастрофа.

Густая, обильная лавина из тягучей собачьей слюны, кровавистой сукровицы, комьев застоявшейся слизи, пены и остатков антисептика вылетела из распахнутой пасти мощным, широким веером.

И весь этот щедрый залп пришелся с расстояния полуметра аккурат в нашего ночного гостя.

Стихийное бедствие накрыло мужчину с безупречной хирургической точностью.

Плотный поток буро-серой жижи ровным слоем заляпал белоснежную итальянскую шелковую рубашку индивидуального пошива. Тончайшая ткань, стоившая как подержанный отечественный автомобиль, мгновенно промокла насквозь, мерзко прилипая к накачанному торсу хозяина. Бурые пятна свернувшейся крови и желтоватые комья слизи живописно украсили перламутровые пуговицы, манжеты и распахнутый воротник. А увесистый, шлепающий кусок густой белой пены смачно приземлился прямо на безупречно выбритый подбородок парня, медленно сползая к его шее.

— А-а-а-х ты черт! — взвизгнул мажор высоким, сорвавшимся фальцетом, совершенно не вязавшимся с его брутальной внешностью.

Он в ужасе вскинул руки, попытался сделать панический шаг назад, но его скользкая кожаная подошва наступила прямо в лужицу антисептика на гладком кафельном полу.

Ноги парня в узких брюках эффектно взмыли в воздух.

Раздался глухой, смачный шлепок, от которого зазвенели стеклянные банки в процедурном шкафу.

Совладелец элитного ночного клуба со всего размаха грохнулся на пятую точку прямо в лужу грязной воды и хлорамина. Он сидел на мокром полу, нелепо растопырив длинные ноги,

с пеной на подбородке, со следами собачьих выделений на шелке и абсолютно безумными, круглыми от шока глазами.

Я не выдержала.

Первый смешок вырвался сам собой, а через секунду я уже хохотала во весь голос, уткнувшись лбом в край металлического стола и держась за живот. Это было выше любых человеческих сил. Настолько эпичного, сокрушительного крушения гламурного пафоса стены нашей Таганки не видели за все двадцать лет своего существования. Даже невозмутимый Павел Петрович, снимая резиновые перчатки, громко хмыкнул в свои пышные усы и торопливо отвернулся к раковине, чтобы скрыть расплывающуюся улыбку.

В этот момент Цезарь окончательно пришел в себя.

Он аккуратно поднялся на все четыре лапы, встряхнул гладким корпусом и даже не взглянул на своего лощенного хозяина, беспомощно барахтающегося в луже у его ног.

Вместо этого благородный пес сделал два медленных шага по столу в мою сторону. Он подошел вплотную, осторожно положил свою огромную теплую голову мне прямо на грудь, поверх застиранного худи, шумно вздохнул и медленно, с глубокой собачьей нежностью провел широким шершавым языком по моей щеке.

Я замерла, чувствуя исходящее от него тепло и мелкую благодарную дрожь. Пальцы сами потянулись к шелковистой шерсти за его купированными ушами, мягко почесывая чувствительную кожу.

— Умница, Цезарь, — негромко произнесла я, вытирая тыльной стороной ладони след собачьей слюны со своей щеки. — Настоящий мужчина и храбрый пес. Не то что некоторые граждане в кашемировых пальто.

Сидящий на полу парень медленно поднял на меня взгляд. В его темных глазах бушевал такой ядерный коктейль из жгучего стыда, ярости, унижения и растерянности, что в процедурной, казалось, вот-вот начнут плавиться лампы.

Пока Полина записывала продиктованные им имя и фамилию — Марк Воронов, — наш гость поднимался с пола с грацией подбитого фламинго.

Его лоферы беспомощно буксовали на мокром кафеле, пальцы судорожно цеплялись за край белой раковины, а холеное лицо пылало таким густым, свекольным румянцем, словно его только что заставили танцевать кадрили на Красной площади в одних семейных трусах. На выбритом подбородке все еще подсыхал мерзкий след собачьей пены, тонкий шелк рубашки за девяносто тысяч рублей пузырился от влаги и намертво прилип к ключицам, демонстрируя миру бурые разводы запекшейся крови и антисептика.

Он со свистом втянул носом воздух, сорвал со стены целую гирлянду влажных дезинфицирующих салфеток и принялся остервенело тереть лицо, лишь глубже размазывая по коже въедливый запах хлорамина.

— Твари, — прошипел он в салфетку глухим, вибрирующим шепотом. — Нищие, обнаглевшие твари.

В приемной царил звонкая, хрустальная тишина. Полина стояла за конторкой, вжав голову в плечи, и старательно делала вид, что изучает инструкцию к кассовому аппарату трехлетней давности. Цезарь уже соскочил со смотрового стола. Пес бодро трусил рядом со мной, тихо цокая когтями по вытертому линолеуму, и время от времени тыкался влажным носом в карман моего серого худи, где лежал пакет с сушеными легкими для дрессировки.

Мажор влетел в приемную следом за нами, на ходу запахивая полы испачканного кашемирового пальто. Было видно, как внутри этого человека яростно клокочет желание немедленно стереть нас в порошок, раздавить, уничтожить и вернуть себе утраченное величие единственным доступным ему оружием.

Деньгами.

Он резко, с театральным размахом сунул руку во внутренний карман пальто и извлек на свет массивный бумажник из темно-коричневой крокодиловой кожи с золотым тиснением.

Длинные холеные пальцы с безупречными полукружиями ногтей быстро, нервно отсчитали толстую пачку новеньких, хрустящих оранжевых купюр. Десять штук. Ровно пятьдесят тысяч рублей. Для нашего заведения на Таганке эта сумма равнялась половине месячного запаса шовного материала, катетеров и сердечных препаратов для бездомных животных.

Марк с глухим, презрительным стуком швырнул пачку прямо на облупленную деревянную конторку Полины, рассыпая банкноты веером по журналу дежурств.

— Здесь пятьдесят тысяч, — отчеканил он ледяным, надменным тоном, глядя на меня сверху вниз так, словно я была плесенью в подвальном углу. — За ночной цирк, за срочность и за моральный ущерб вашему нищему заведению. Сдачу оставь себе на новый гардероб, санитарка. Купи себе нормальные джинсы и кофту вместо этого полового мешка, в котором ты пугаешь приличных людей.

Глава 4

Полина за стойкой шумно выдохнула, ее круглые глаза стали размером с чайные блюдца. Она перевела растерянный взгляд с хрустящих купюр на меня, не решаясь даже коснуться оранжевого веера.

Я даже бровью не повела.

Полина смотрела на деньги, потом на меня. Я придвинула к ней преискуронт: клиент оплатит лечение, а право оскорблять нас в списке услуг отсутствовало. За четыре года ночных смен мне уже приходилось объяснять разницу.

Но в моей клинике этот номер не проходил.

Я неторопливо подошла к конторке, оперлась бедром о край деревянной стойки и небрежным движением локтя отодвинула оранжевый веер пятидесятирублевых купюр в сторону, словно это были обертки от дешевых карамелек.

Затем протянула руку, взяла со специальной подставки толстую квитанционную книжку в синей картонной обложке и открыла чистый бланк строгой отчетности.

Моя обычная шариковая ручка с тихим шорохом заскользила по шероховатой серой бумаге. Я писала четким, разборчивым почерком, методично проговаривая каждое слово вслух на всю приемную —

— Полина, оформим расчет строго по нашему преискуронту. Первая графа. Первичный прием ветеринарного фельдшера в ночное время — ровно пятьсот рублей. Вторая графа. Экстренная медикаментозная седация первой категории сложности — восемьсот рублей. Третья графа. Механическое извлечение инородного тела из верхних дыхательных путей без полостного разреза — одна тысяча рублей ровно. Четвертая графа. Катетеризация периферической вены, расходные материалы и антисептическая обработка полости рта раствором мирамистина — сто рублей.

Я поставила жирную галочку в графе «Итого», расписалась быстрым косым росчерком и оторвала копию квитанции по линии перфорации.

— Итого по официальному преискуронту нашей некоммерческой лечебницы — ровно две тысячи четыреста рублей, — звонко произнесла я, глядя прямо в лицо остолбеневшему Марку. — Полина, пробей чек по кассе.

Старенький кассовый аппарат на полке натужно зажужжал шестеренками, щелкнул металлическим валиком и с сухим треском выплюнул узкую белую бумажную ленту со штампом нашей клиники.

Я протянула руку к рассыпанным по стойке деньгам.

Двумя пальцами, очень аккуратно, я подцепила с края ровно одну пятидесятирублевую купюру. Остальные девять новеньких банкнот я сдвинула пальцем в аккуратную плотную стопку.

Затем с легким металлическим лязгом выдвинула тяжелый железный ящик кассы.

Внутри лежало наше нехитрое ночное богатство, накопленное за смену от бабушек с больными кошками и дедушек с хромыми болонками. Старые, затертые до дыр купюры, бережно заклеенные полосками прозрачного скотча, помятые сотни и целые россыпи тяжелой металлической мелочи.

Я начала медленно, нарочито громко отсчитывать положенную гражданину сдачу.

— Две тысячи четыреста рублей оплачено. — Я шлепнула купюрой по дереву; Марк вздрогнул от этого сухого звука. — С пяти тысяч рублей ваша сдача составляет ровно две тысячи шестьсот. Получите. Две тысячи рублей старыми купюрами по тысяче. Раз. Два. Пятьсот рублей пятью сотнями. Раз, два, три, четыре, пять. И сто рублей разменной монетой.

Мои пальцы безжалостно сгребли со дна железной ячейки увесистую пригоршню десятирублевых и пятирублевых монет из тяжелого никеля и латуни. Монеты громко, весело зазвенели в моей ладони.

Я собрала в одну руку девять возвращенных пятитысячных купюр, две тысячи шестьсот рублей сдачи и белую ленту фискального чека.

После чего сделала два решительных шага вперед, сокращая расстояние между нами до нескольких сантиметров.

Марк Воронов от неожиданности отшатнулся назад, но его спина мгновенно уперлась в холодное стекло входной двери. Отступать мажору было некуда.

Я посмотрела ему прямо в глаза. Вблизи его темные зрачки казались почти черными, окаймленными густой сеткой лопнувших капилляров от ночного стресса. От его испорченной шелковой рубашки несло сыростью и собачьей слизью, а на щеке темнело пятно от грязи. Несмотря на то что он был выше меня почти на голову, прямо сейчас он выглядел нашкодившим третьеклассником, которого строгая учительница прижала к школьной доске за разбитое окно.

Я взяла всю увесистую пачку денег вместе со звенящей горстью тяжелых металлических монет.

И с силой, одним точным и безжалостным движением затолкала всю эту кучу прямо в нагрудный карман его испачканной шелковой рубашки.

Тонкая итальянская ткань жалобно натянулась. Тяжелые никелевые монеты глухо брякнули о ребра парня, утянув левую сторону воротника глубоко вниз и превратив безупречный силуэт в нелепую перекошенную тряпку. А поверх торчащих купюр я воткнула белый бумажный чек на две тысячи четыреста рублей, словно флаг капитуляции на поверженной вражеской крепости.

— Оставьте себе на химчистку, гражданин начальник, — негромко, но с такой ледяной отчетливостью произнесла я, что каждое слово врезалось ему под ребра почище корнцанга. — В нашей клинике подачек от мажоров не принимают. У нас здесь лечебница для животных, а не придорожный бордель с оплатой за хамство.

Марк задохнулся. Его пальцы судорожно сжались в кулаки, касаясь мокрого шелка на груди. Мелочь в кармане издевательски звякнула при каждом его прерывистом вдохе.

— И слушайте сюда внимательно, Воронов, — продолжила я, даже не думая отступать на шаг. — Если у вас хватает ума зарабатывать миллионы, напрягите остатки извилин и купите своей собаке назначенный мягкий корм на время заживления. Памятку Полина выдаст вместе с чеком. И навсегда выбросьте из своей пустой головы привычку совать зверю кости с барского стола. Еще раз увижу Цезаря в таком состоянии — лично составлю протокол, вызову инспекцию по ветеринарному надзору и добьюсь возбуждения уголовного дела по факту жестокого обращения с животными. Этот пес умнее и благороднее вас в тысячу раз, ему просто катастрофически не повезло с хозяином.

Губы Марка задрожали от бешеного, бессильного гнева. Желваки на его скулах заходили ходуном, а темные глаза налились темной кровью. Он переводил взгляд с моего лица на оттопыренный карман, словно никак не мог решить, какое из двух оскорблений тяжелее.

— Ты хоть представляешь себе, с кем разговариваешь, соплячка? — прохрипел он сорванным голосом, нависая надо мной всем своим крупным телом. — Я один звонок сделаю в префектуру Центрального округа, и твою собачью богадельню заколотят досками к сегодняшнему полудню! Вы отсюда вылетите с волчьими билетами на улицу мыть общественные туалеты!

— Звоните хоть папе римскому, хоть в Организацию Объединенных Наций, — холодно парировала я, скрестив руки на груди. — А сегодня в двадцать два ноль-ноль я жду вас на этом самом коврике.

Парень замер, не веря собственным ушам.

— Что? — выдавил он.

— То, что слышали. Сегодня в десять вечера — контрольный осмотр гортани Цезаря. У него сильнейшая травма слизистой оболочки и тяжелый травматический отек голосовой щели. Потребуется ларингоскопический контроль и противовоспалительная блокада. Если снова начнет тяжело дышать — сразу возвращайтесь, до вечера не ждите. А теперь — свободны. Прием окончен.

Марк тяжело, судорожно выдохнул через ноздри, смерил меня взглядом, в котором горело обещание скорой и жестокой расправы, и с яростной силой дернул за кожаный поводок.

— Цезарь! — гаркнул он на весь подвал. — Пошел вон! В машину, живо!

Но доберман даже не шелохнулся.

Огромный пес демонстративно уселся на задние лапы прямо на резиновый коврик у порога, уперся крепкими когтистыми лапами в линолеум и замер как гранитное изваяние. Кожаный поводок натянулся как струна. Когда Марк дернул поводок во второй раз, пытаясь силой сдвинуть собаку с места, доберман медленно, угрожающе опустил голову к полу и издал такой низкий, утробный, вибрирующий рык, от которого в приемной задрожали стекла.

Взгляд Цезаря был прикован исключительно к моему лицу.

Марк дернулся и снова побледнел, инстинктивно ослабив натяжение ремня. Собственный пес отказывался подчиняться хозяину в присутствии девчонки в застиранном балахоне.

Я тихо усмехнулась, подошла к собаке и опустила перед ней на одно колено. Мои теплые ладони без перчаток бережно обхватили бархатную черную морду добермана.

— Иди, Цезарь, — ласково прошептала я ему прямо в стоячее ухо, почесывая нежную складку под челюстью. — Ты умница. Вечером увидимся на осмотре. И приглядывай там за этим ходячим недоразумением в кашемире, а то он еще куда-нибудь вляпается.

Доберман шумно вздохнул, коротко вильнул купированным хвостом, поднялся на все четыре лапы и неторопливо пошел к двери, намеренно держась ближе к моим ногам, чем к лоферам своего владельца.

Марк Воронов вылетел на улицу как ошпаренный, с такой яростью захлопнув за собой металлопластиковую дверь, что пластиковая такса на стене покачнулась, а ее хвост-маятник на пару секунд сбился с мерного ритма.

В кармане его испорченной шелковой рубашки издевательски звякнули тяжелые монеты сдачи и сухо зашуршал официальный кассовый чек на две тысячи четыреста рублей.

О том, что происходило дальше тем ноябрьским утром на Саввинской набережной, я узнала гораздо позже.

Глава 5

Спустя три недели эта скрытая изнанка обрушилась на меня ледяным душем, когда аудиозапись с телефона Романа Залесского разнесла в клочья все, во что я успела поверить. Но в то туманное утро, когда стрелки на часах нашей клиники едва перевалили за пять часов, события в элитном закрытом клубе «Эклипс» развивались по своим циничным законам.

В половине шестого утра в клубе царил разгар закрытой афтепати.

Тяжелые сабвуферы заставляли вибрировать монолитный черный полированный мрамор пола. В темноте просторных залов пульсировал холодный индиговый неон, пахло селективным сигарным табаком, дорогим односолодовым виски и духами за сотни тысяч рублей. За столиками из темного стекла сидела золотая молодежь столицы, уставшая от праздности, пресыщенная легкими деньгами и вечно ищущая новых острых ощущений.

Марк Воронов вошел в заведение через отдельный служебный вход с закрытого двора.

Швейцар в строгой ливрее у входа поперхнулся воздухом и замер с приоткрытым ртом. Двое охранников из личной службы безопасности невольно отступили на шаг, ошарашенно переглянувшись за спиной шефа.

Совладелец одного из самых дорогих клубов Москвы выглядел так, словно его только что пропустили через бетономешалку на стройке третьего транспортного кольца.

Его идеальная укладка превратилась в мокрое воронье гнездо, темные пряди торчали во все стороны. На плече безупречного графитового кашемирового пальто белело широкое меловое пятно от таганской штукатурки. Из-под распахнутого борта выглядывала шелковая итальянская рубашка за девяносто тысяч рублей, покрытая бурными подсохшими разводами крови, желтой слизью и белыми хлопьями пены. Левый карман рубашки безобразно отвисал под тяжестью медных и никелевых монет, из него вызывающе торчал помятый белый кассовый чек со штампом круглосуточной ветеринарной лечебницы, а от всей фигуры за версту разило едким больничным хлорамином, псиной и дешевым изопропиловым спиртом.

Марк не обращал внимания на вытаращенные глаза персонала.

Он поднялся по широкой винтовой лестнице на второй этаж, толкнул тяжелую дубовую дверь и вошел в приватный ВИП-лаунж с огромным панорамным стеклом, выходившим на темную гладь Москвы-реки.

В глубине полутемной комнаты на низком диване из черной матовой кожи сидел его деловой партнер Роман Залесский.

Роману было двадцать девять. Это был плотный, холеный парень с безупречным пробормом, в кашемировом черном свитере под горло. В его руке лениво покачивался массивный хрустальный бокал с двенадцатилетним шотландским скотчем, а по бокам дивана сидели две скукающие длинноногие модели с бокалами шампанского.

Увидев появившегося в дверях партнера, Роман застыл. Его бокал замер на полпути к рту.

Пауза длилась ровно три секунды.

А затем тишину приватной ложи взорвал оглушительный, гомерический, издевательский хохот. Залесский смеялся так неистово, что расплескал янтарный виски прямо на полированный мраморный столик, запрокинул голову и едва не свалился с кожаного дивана.

— Мать честная! — давясь хохотом, выдавил Роман, тыча пальцем в грудь Марка. — Воронов! Ты в каком свинарнике ночевал? Это что за новая миланская коллекция для бездомных? От тебя разит мокрой собачатиной и моргом на весь этаж! Тебя что, таганские гопники в подворотне в мусорный бак окунули?

Обе модели приснули в надушенные ладошки, с любопытством разглядывая сопли на воротнике клубного магната.

Марк побелел от бешенства.

Он шагнул к столу, с силой запустил руку в свой отвисший нагрудный карман, выгреб оттуда всю пачку пятидесятичных купюр, затертые сотни, звенящую кучу мелочи и белый ветеринарный чек и с яростным стуком швырнул все это на полированный камень прямо перед носом Романа.

Тяжелые монеты со звоном покатались по столу, одна из них с мелодичным перезвоном ударилась о хрустальную пепельницу.

Марк рухнул в глубокое кожаное кресло, схватил высокий стакан с минеральной водой со льдом, выпил его залпом в три судорожных глотка и глухо зарычал сквозь зубы —

— Заткнись, Рома. Просто закрой свой рот.

— Да как тут закрыть! — Роман вытирал выступившие слезы салфеткой. — Ты на себя в зеркало посмотри! Откуда этот звон? Ты что, у паперти милостыню просил?

— У Цезаря кость застряла в гортани, — с трудом сдерживая ярость, процедил Марк, глядя на свои сжатые кулаки. — Задышался посреди ночи. Пришлось тащить в первую попавшуюся дыру на Таганке. Некоммерческая ветеринарная лечебница в сыром подвале. Там какая-то сумасшедшая соплячка в застиранном балахоне и резиновых перчатках решила устроить мне показательную порку.

Роман с живым интересом подался вперед, забыв про виски.

— И что дальше?

— Орала на меня как на первокурсника. Заставила стоять у стены с салфетками. Когда собаку откачали, этот идиот Цезарь чихнул прямо мне в грудь со всей своей дури. Я поскользнулся на их драном полу и сел в лужу. А когда я бросил этой хамке полтинник на чай за оперативность — она выписала чек на две четыреста, отсчитала сдачу драными сотнями и силой запихала мне все деньги обратно в карман рубашки! Сказала, что подачек от мажоров не принимает, пригрозила уголовным делом за кости и велела катиться ко всем чертям!

В VIP-лаунже снова повисла тишина.

А через секунду Роман Залесский буквально взвыл от восторга. Он хлопал себя ладонями по коленям, мотая головой.

— Не могу! Господи, какое счастье, что я дожил до этого утра! Великий Марк Воронов, покоритель рублевских львиц, перед которым девки штабелями укладываются на Ибице, получил пинком под зад от санитарки из собачьего распределителя! Да она тебе просто по морде съездила твоим же баблом! Браво, девочка! Дай мне ее адрес, я отправлю ей ящик Дом Периньон с личной благодарностью!

Оскорбленное мужское эго Марка вспыхнуло как сухой порох под палящим солнцем.

Смех партнера, насмешливые взгляды девиц за столиком и воспоминание о моем спокойном, холодном взгляде ударили точно в его самое уязвимое место. Всю свою жизнь Воронов привык побеждать, ломать чужое сопротивление обаянием, властью и банковскими выписками. Сама мысль о том, что какая-то девчонка в стоптанных кроссовках посмела отряхнуть его как назойливую мошку, сводила его с ума.

Марк подался вперед, уперевшись ладонями в столешницу. Его темные глаза сузились, превратившись в два опасных щелевидных зрачка.

— Она обычная нищая наглая девка, — тихо, отчетливо произнес он, и в его голосе звенел опасный металлический скрежет. — Возомнила себя святой великомученицей, потому что живет впроголодь и слаще морковки ничего не пробовала. Считает себя неприступной крепостью. Через неделю она будет смотреть мне в рот и умолять о встрече.

Роман лукаво прищурился, в его взгляде зажегся недобрый охотничий огонек профессионального картежника.

— Брось заливать, Воронов, — протянул Залесский с ядовитой ухмылкой. — Ты для нее — надутый индюк с собачьими соплями на шелке. Она тебя раскусила за три секунды и выплюнула. Спорим, ты у нее даже личный номер телефона выпросить не сумеешь? Ставлю пятьдесят тысяч долларов, что она пошлет тебя при первой же попытке подкатить.

Марк криво, нехорошо усмехнулся.

— Пятьдесят тысяч? Мелко плаваешь, Рома. Если играть — так по-взрослому.

Залесский поднял бровь.

— Слушаю твои условия.

Марк наклонился к самому лицу партнера.

— Мои двадцать пять процентов доли в «Эклипсе» против твоих двадцати пяти процентов. Ровно двести тысяч долларов по текущей рыночной оценке клуба. Ставка — четверть бизнеса.

Роман на секунду опешил. Улыбка сползла с его лица, взгляд стал предельно трезвым и цепким. Двести тысяч долларов были колоссальными деньгами даже для их уровня достатка.

— Срок? — сухо спросил Залесский.

— До полуночи двадцать первого дня, — отчеканил Марк. — Сегодня первый. Условие простое. К финальному вечеру эта строптивая ветеринарная санитарка будет без памяти влюблена в меня, добровольно ляжет со мной в постель и войдет в эти двери на юбилейную вечеринку клуба под руку со мной в качестве моей официальной спутницы.

Роман посмотрел на партнера долгим, оценивающим взглядом, словно взвешивал безумие этого предложения. Жадность и жажда легкого триумфа победили осторожность.

Залесский неторопливо достал из кармана брюк свой смартфон, нажал на значок диктофона и положил аппарат на стол между ними.

— Повтори условия на запись, Марк, — медленно произнес Роман. — Двадцать один день. Четверть клуба стоимостью двести тысяч долларов. Если девчонка не ляжет под тебя или пошлет подальше — твоя доля переходит ко мне без всяких компенсаций.

Марк твердо посмотрел в глазок микрофона.

— По рукам. Двадцать пять процентов клуба на кон. Время пошло.

Они скрепили договор коротким, сухим рукопожатием. Звуковой файл на экране телефона моргнул и сохранился в защищенную память устройства. Роман тут же набросал условия на листке с клубным бланком и подsunул Марку ручку. Две подписи легли под текстом, который обоим тогда казался превосходной шуткой.

Роман откинулся на спинку дивана, довольно потягивая скотч.

— Ну и как ты собираешься ее ломать, Казанова? — хмыкнул он. — Подъедешь к ее подвалу на спорткаре с охапкой из ста роз? Она тебе этот веник засунет в выхлопную трубу. Ты же сам сказал — бабки ее не берут.

Марк потер воспаленный висок пальцами.

В его голове снова прозвучал мой сухой, безапелляционный приказ — «Сегодня в двадцать два ноль-ноль я жду вас на контрольный осмотр гортани Цезаря. Если снова начнет тяжело дышать — сразу возвращайтесь».

И то, как его собственный грозный доберман доверчиво положил морду мне на грудь.

На губах Воронова медленно расплылась холодная, расчетливая улыбка хищника, нащупавшего единственную тропинку сквозь непроходимую топь.

— Она помешана на зверях, — негромко произнес Марк, глядя в темноту за окном. — И она презирает богатых бездельников. Если я припрусь к ней с цветами и бриллиантами — она выставит меня вон. Но она сама приказала мне явиться сегодня в десять вечера со спасенным псом. Я не стану строить из себя щедрого принца. Я приду туда кротким, послушным хозяином, осознавшим свою вину. Если потребуется — надену резиновый фартук, возьму в руки швабру, буду волонтером выгребать кошачьи лотки, мыть полы и держать капельницы. Я влезу ей под кожу через ее же собственные правила. Я заставлю ее поверить, что под шелковой рубашкой бьется чуткое, благородное сердце. А когда она растает и откроется мне — я заберу свои двести тысяч.

Роман тихо присвистнул.

— Воронов со шваброй в собачьем дерьме? Ради такого зрелища мне и доли не жалко. Смотри не заиграйся, мажор.

Было ровно шесть утра, когда Марк спустился в пустой подземный паркинг клуба.

Он сел в глубокое анатомическое кресло своего низкого черного спорткара, бросил ключи на кожаную консоль и посмотрел на свое отражение в зеркале заднего вида. На него смотрел незнакомый мужчина с кругами под глазами, в испорченной одежде, пахнущий антисептиком и ночным поражением.

Марк достал телефон, открыл приложение таймера.

Пальцы быстро набрали цифры. До полуночи последнего дня пари.

Он нажал круглую кнопку «Старт».

Электронные цифры на темном экране начали свой бесшумный, неумолимый обратный отсчет, отсекая секунду за секундой.

Глава 6

Марк завел мотор. Глухой рокот восьмицилиндрового двигателя заполнил бетонный бункер паркинга.

В то же самое утро на Таганке я допивала чай, довольная тем, что очередная тяжелая ночь обошлась без потерь.

Я вымыла кафельный пол в смотровой горячей водой с порошком, тщательно протерла стальной стол дезинфицирующим раствором и заварила себе свежий чай. Я стояла у зарешеченного окна, глядя, как серый рассвет медленно заливает мокрый московский асфальт, и была абсолютно уверена, что самодовольный хам в испорченном шелке навсегда исчез из нашей жизни.

Я не знала, что на набережной уже запущен тикающий таймер. Не знала, что моя гордость, мои принципы и мое сердце только что стали ставкой в циничной мужской игре ценой в двести тысяч чужих зеленых долларов.

Часы в виде таксы показывали шесть утра.

До нашей следующей встречи оставалось ровно шестнадцать часов.

К десяти вечера ноябрьская слякоть за окнами клиники на Таганке окончательно превратилась в липкое серое месиво. Мокрый снег тяжело шлепал по стеклам полуподвала, а каждый входящий посетитель приносил на подошвах добрую порцию уличной жижи, перемешанной с солью и песком. Линолеум в коридоре блестел грязными лужами. Воздух пах мокрой собачьей шерстью, хлоркой, спиртом и дешевым освежителем, который нисколько не спасал.

Штатный санитар Степан накануне свалился с двусторонней пневмонией, оставив нас с Павлом Петровичем один на один с бесконечным ночным потоком. На скамьях сидели четверо владельцев, телефон дребезжал без умолку, а в процедурной с хрипом кашлял пожилой спаниель-сердечник.

Я стояла за стойкой, вбивая данные очередного паспорта в старый компьютер. Волосы были стянуты в небрежный узел, рукава выцветшего синего худи закатаны выше локтей, на скуле темнела черточка от ручки. Сил не оставалось даже пригладить челку.

Входная дверь распахнулась со сквозняком, звякнул колокольчик, и в коридор вплыл запах чужой, неуместной роскоши — морозный воздух, горький миндаль, табачный лист и селективный парфюм, от которого зашекетало в носу.

Я не поднимала глаз от экрана, надеясь, что новое явление подождет своей очереди.

— Добрый вечер, Дарья, — раздался над стойкой бархатный баритон с легкой хрипотцой. В нем слышалась привычка к тому, что женщины мгновенно бросают дела и расплываются в улыбке. — Мы прибыли на контрольный осмотр. Строго по предписанию, минута в минуту.

Я медленно перевела взгляд с монитора.

Перед стойкой возвышался Марк Воронов. Расстегнутое темно-серое кашемировое пальто идеального покроя, тонкий джемпер цвета графита, дизайнерские джинсы. На ногах красовались мягкие замшевые лоферы шоколадного оттенка, стоявшие как полугодовая аренда моего подвала. Ни единого пятнышка грязи, безупречная укладка волосок к волоску.

Рядом на коротком поводке переступал лапами Цезарь. Мощный королевский доберман с лоснящейся шерстью держал голову гордо, но стоило нашим взглядам встретиться, как купированный хвост вильнул, а влажный нос потянулся ко мне.

Однако самым диким зрелищем в этом полуподвале была охалка, которую Воронов держал в правой руке.

Это был колоссальный сноп белоснежных орхидей в хрустящей пленке. Лепестки напоминали фарфор, стебли были перевязаны шелковой лентой. Букет выглядел так, будто его только что вынесли из бутика для вручения оперной прима.

— Это вам, — произнес Марк, опуская букет прямо на журнал регистрации и накрывая влажными лепестками недописанную квитанцию. Он оперся свободным локтем о край пластиковой стойки, подался вперед и одарил меня отрепетированным взглядом победителя. — В знак признательности за профессионализм. Надеюсь, вы простите мне некоторую ночную резкость. Трудная ночь, нервы, сами понимаете.

Женщина с кошачьей переноской восторженно охнула. Парень с такой ошарашенно уставился на цветы, будто в клинику забрел арабский шейх.

Я посмотрела на белые бутоны, на лощеные ногти Воронова и в его темные глаза, где плясали самодовольные смешинки. Он ждал смущения, вспыхнувших щек и лепета, привыкнув покупать благосклонность импортными ананасами.

Я молча взяла сноп за перевязанные стебли.

Марк победно приподнял бровь, готовясь принять капитуляцию.

В следующее мгновение я развернулась и с глухим хлопом водрузила весь букет прямо в оцинкованное ведро у стойки. В ведре плескалась серая мыльная вода, откуда сиротливо торчала деревянная швабра со старой тряпкой. Вода чавкнула, тяжелые бутоны качнулись, задев грязный черенок, а пленка жалобно сморщилась.

Улыбка сползла с лица Воронова, будто его окатили ледяным душем.

— Вы... что вы делаете? — выдохнул он, и его баритон дал петушиный сбой. — Это редкий сорт. Их везли самолетом под заказ.

— Воду держит, значит, не завянет. — Я вернулась к журналу и стерла салфеткой мутную каплю. Марк проводил ее взглядом, словно еще надеялся спасти хотя бы часть букета. — У нас здесь не ананас и не салон красоты, гражданин Воронов. Санитар свалился в больницу с воспалением легких. Полы залиты ноябрьской грязью, в процедурной задыхается сердечник, а через двадцать минут привезут собаку после наезда во дворе. Ваши веники на стойке мешают работать.

Марк шумно втянул носом воздух. Желваки на его острых скулах напряглись, кашемировое плечо дернулось. Он явно собирался выдать порцию отборного яда, но вовремя вспомнил про свидетелей в очереди. Вместо этого он полез во внутренний карман пальто, щелкнул тонким кожаным бумажником и извлек блестящую карту с рельефными золотыми символами.

— Если вопрос упирается в технический персонал, это решается одним звонком, — холодно произнес он, опуская карту на край стола. — Я сейчас же вызову коммерческую клининговую бригаду круглосуточного сервиса. Оплачу двойной тариф, они приедут со спецтехникой и вылижут ваш полуподвал за два часа до стерильного блеска. Назовите адрес и параметры помещения.

Я отодвинула клавиатуру, уперлась ладонями в край стойки и наклонилась к нему.

— Твоя бригада притащится к полуночи, — отчеканила я, понизив голос. — А грязь летит в операционную прямо сейчас. Твой пес жив благодаря тому, что Павел Петрович стоял над ним в три часа ночи, а я держала дыхательные пути. Хочешь красоваться и щелкать картами — забирай веники из ведра и катись в клуб. Привел собаку лечить — закрой рот и жди очереди.

Воронов онемел. Он смотрел на меня так, будто перед ним выросла каменная стена. Никто в его окружении никогда не разговаривал с ним подобным тоном. В его глазах вспыхнула ярость, а следом мелькнул уязвленный охотничий азарт человека, которому впервые дали по рукам.

Дверь операционной скрипнула, и в коридор выглянул Павел Петрович. На нем был надет клеенчатый фартук со следами бурых пятен, марлевая повязка сползла на шею, а седые брови сошлись на переносице в строгую линию.

— Даша, спаниеля стабилизировали, кислород пошел, — устало проговорил доктор, потирая натруженное плечо, затем окинул взглядом приемную и наткнулся на фигуру Воронова. — О, благодетель с доберманом пожаловал. Ну что встали столбом, молодой человек? Заводите зверя в первый кабинет. Гортань глянem, пока пауза выдалась.

Марк коротко дернул поводок. Цезарь охотно поднялся и потрусил вслед за хирургом, даже не оглянувшись на хозяина. Воронову ничего не оставалось, кроме как последовать за ними, стараясь обходить самые глубокие грязные лужи на линолеуме.

В смотровой пахло йодом, спиртом и инструментами. Павел Петрович усадил пса на коврик, взял шпатель и заглянул в пасть. Доберман вел себя смирно, позволяя осматривать ткани.

— Отек спадает отлично, — заключил хирург, снимая латексные перчатки и бросая их в лоток для утилизации. — Слизистая порозовела, перфорации нет, парень родился в рубашке. Но противовоспалительную терапию бросать рано. Нужна медленная капельница с электролитами и дексаметазоном, часа на полтора. Даша, подготовь вену.

Я подошла к шкафу, достала флакон раствора, систему и закрепила лапу Цезаря мягким жгутом. Пес не шелохнулся, доверчиво уложив морду мне на бедро. Я быстро нащупала под гладкой кожей упругий сосуд, ввела иглу и зафиксировала катетер белым лейкопластырем. Прозрачные капли мерно застучали в пластиковой камере.

— Ну вот и ладно, — Павел Петрович взглянул на наручные часы со старым кожаным ремешком. — Рук у нас, Воронов, не хватает катастрофически. Если вы так радуете за питомца, посидите рядом с капельницей, придержите флакон на стойке. А если хотите, чтобы очередь двигалась быстрее, можете взять тряпку. Стационар для передержки освободился, там шесть боксов не мыты после утренних операций.

Марк опешил.

— Я? — переспросил он, искренне полагая, что ослышался. — Мыть боксы?

— А кто, Пушкин? — проворчал хирург, направляясь к выходу. — Даша вон на ногах с восьми утра, а у меня впереди тяжелая полостная операция. Либо сидите смирно, либо помогайте. Выбор за вами.

Дверь за врачом закрылась. В кабинете повисла тяжелая, густая пауза, нарушаемая лишь мерным шорохом падающих капель в прозрачной трубке.

Я подошла к стенному шкафу, с грохотом распахнула створку и извлекла наружу рабочий комплект Степана. Перед Вороновым шлепнулся клеенчатый синий фартук чудовищного размера с принтами толстых рыжих кошачьих морд и пара грубых желтых перчаток сорок пятого размера.

— Твой выбор, гражданин магнат, — произнесла я с насмешкой. — Можешь полтора часа стоять памятником собственной спеси. А можешь надеть спецовку, взять ведро и доказать, что в тебе есть мужская польза, кроме умения заказывать букеты. Или принцам закон запрещает пачкать холеные ручки?

Я знала, куда быю. Мужское самолюбие, возвращенное на безоговорочном преклонении, не терпело прямых вызовов.

Воронов потемнел лицом. Несколько секунд он сверлил меня тяжелым, горящим взглядом, в котором боролись брезгливость, бешенство и упрямая гордость. Тогда мне казалось, что он просто не желает отступать на глазах девчонки в застиранном худи. Истинную цену этого упрямства я узнала позже.

— Давай сюда свой инвентарь, — процедил он сквозь зубы.

Глава 7

Марк медленно, со скрытой яростью расстегнул пуговицы кашемирового пальто, аккуратно снял его и повесил на край металлической стойки для капельниц. Под пальто оказался тонкий, мягкий джемпер из тончайшей шерсти, облегавший широкие плечи и крепкую грудь. Он подхватил нелепый синий фартук, перекинул тесьму через голову и завязал узел на узкой талии. Рыжие кошачьи морды расплылись по его груди, создавая до того уморительный контраст с его надменным породистым лицом, что мне стоило колоссальных усилий не расхохотаться в голос.

Затем он с глухим хлопком натянул на ладони толстую желтую резину перчаток и повернулся ко мне.

— Куда идти?

— За мной, — бросила я, стараясь сохранять невозмутимый вид.

Стационар располагался в глубине коридора. Это была узкая вытянутая комната с кафельными стенами, где в два яруса выстроились сварные сетчатые вольеры для тяжелых больных и животных после наркоза. Воздух здесь был спертым, пахнущим застарелыми лекарствами, влажными опилками, псиной и едкой хлорной известью.

Я выдала Воронову ведро ледяной воды из шланга, плеснула щедрую дозу дезинфектанта и бросила моток жесткой стальной мочалки.

— Задача элементарная, справится даже первоклассник, — проинструктировала я, ткнув пальцем в сторону нижнего ряда. — Выбросить использованные впитывающие пеленки в черный мешок. Отскрести до блеска стальные миски от присохшего корма. Вымыть поддоны и прутья решеток. Воду менять после каждого бокса. Тряпку отжимать насухо. Вопросы есть?

Марк посмотрел на грязный угол клетки, где красовались засохшие следы собачьей каши, судорожно сглотнул, но нашел в себе силы сжать челюсти.

— Вопросов нет, — глухо отозвался он.

Он опустился на колени на мокрый кафель. Джинсы мгновенно впитали влагу. Серый джемпер задел решетку, и на кашемире тут же осели густые клочья шерсти от линяющих пациентов.

Я вернулась в процедурную, но каждые десять минут нарочно проходила мимо открытой двери стационара, наблюдая за процессом.

Картина стоила миллиона. Хозяин клубов стоял на четвереньках перед решеткой, орудуя металлической мочалкой. Хлорная пена летела во все стороны, пачкая лоферы. От едкого запаха у Марка слезились глаза, нос покраснел, на лбу блестел пот. Стальная миска под его пальцами отчаянно скрежетала.

— Плохо трешь, Воронов, — заметила я, облокотившись о дверной косяк. — Вон в углу засохший пащтет остался. Собака потом слижет микробы, подхватит инфекцию. Перемывай.

Марк замер. Спина его под тонкой шерстью напряглась, лопатки сошлись, кулак в желтой резине сжался до хруста. Он медленно повернул голову, взглянул на меня снизу вверх взглядом, способным испепелить танковую дивизию, но не проронил ни слова. Он снова опустил мочалку в ведро, поднял фонтан мутных брызг и принялся с ожесточением драить проклятый угол.

Через сорок минут четыре вольера сияли первозданной чистотой, стопка вычищенных стальных мисок аккуратно стояла на сушилке, а сам Марк сидел на перевернутом ведре, тяжело дыша и опустив руки между колен. Кашемировый джемпер был безнадежно залеплен собачьим пухом, на рукавах темнели мокрые пятна, а пальцы в грубой резине заметно подрагивали от непривычной мышечной нагрузки.

Я уже собиралась выдать ему скупую похвалу, когда тишину коридора разорвал оглушительный грохот.

Входная дверь распахнулась от мощного пинка. В тамбур ввалились двое рослых мужчин в засаленных спецовках строительного комбината. Между собой на широких брезентовых носилках они тащили массивное черное тело.

— Врача! Срочно врача! — хрипел один из них, сбивая шапку на затылок. — Мужики, спасайте, Барон погибается!

Я выскочила в коридор, Марк на негнувшихся ногах вывалился следом, на ходу сдергивая перчатки.

На носилках лежал огромный, матерый охранный доберман. Пес был значительно массивнее комнатного Цезаря — широкая кость, бугрящиеся мышцы, рваные боевые шрамы на морде. Правое предплечье собаки представляло собой сплошное кровавое месиво. На строящемся объекте он прыгнул через забор и распорол лапу о рваный край профнастила. Мышцы были вывернуты наружу, лоскуты кожи свисали до сухожилий, а темная венозная кровь толчками хлестала на серый брезент.

Но страшнее всего были его глаза. Налитые кровью белки, оскаленная пасть с крупными желтоватыми клыками и утробный, вибрирующий инфернальный рокот, поднимающийся из самых глубин мощной груди. Пес был в состоянии болевого шока и смертельной паники. Он щелкал зубами в воздухе, готовый разорвать любого, кто посмеет приблизиться.

— На смотровой стол, быстро! — выбежал из ординаторской Павел Петрович, мгновенно оценив обстановку. — Мужики, держите носилки с двух сторон! Даша, готовь новокаин для блокады и шелк номер четыре!

Мужчины с натугой перевалили рычащую машину на смотровой стол. Пес тут же попытался вскочить, лапы скользнули по холодному металлу, и он с яростным хрипом бросился вперед, клацнув челюстями в воздухе. Работяги испуганно отшатнулись к стене.

— Нам его не удержать, доктор, он чужих не подпускает, порвет к чертям! — крикнул один из них, бледнея.

— Врач не сможет уколоть, пока голова ходит! — крикнула я, хватая плотный марлевый бинт для намордника. — Нужен кто-то на фиксацию холки!

Я обернулась и наткнулась взглядом на Воронова.

Марк стоял в полутора метрах от стола, вжавшись спиной в стеклянный шкаф с медикаментами. Его лицо сделалось блее больничной простыни, зрачки расширились до предела, губы побелели. Он смотрел на оскаленные клыки Барона, на летящую кровавую слюну, и я увидела в его глазах первобытный, парализующий ужас.

Он держал Цезаря, возил его на спа-процедуры, но никогда не сталкивался лицом к лицу с разъяренным раненым зверем. Перед ним была дикая сила, способная переломить кость одним движением челюстей. Марк застыл, не в силах пошевелить пальцем.

Времени на раздумья не оставалось. Собака теряла кровь, давление падало, каждая секунда приближала коллапс.

Я сделала два быстрых шага, вцепилась пальцами в плечо Воронова и с силой встряхнула его.

— Смотри на меня! — рывкнула я прямо ему в лицо, сбивая паралич. — В глаза ему не пялься, для него это вызов! Смотри на затылок!

Марк вздрогнул, моргнул, его ошалелый взгляд сфокусировался на мне.

— Я... он же руку откусит, — хрипло выдавил он, и в голосе миллионера прорезались нотки растерянного мальчишки.

— За пастью слежу я! — жестко отрезала я, схватила его правую руку и силой впечатала раскрытую ладонь прямо в жесткую шерсть на собачьем загривке. — Руки к зубам не подставляй. Слушай мою команду. Навались всем весом на лопатки!левой рукой прижимай шею к столу, правой блокируй предплечье здоровой лапы! Будь скалой, Воронов! Дыши ровно!

Мой голос хлестнул его, как пощечина. Что-то щелкнуло внутри этого лощеного парня. Он стиснул зубы так, что на скулах вздулись желваки, шагнул вплотную к столу и всей тяжестью своего тела навалился на бьющегося пса.

Барон взревел. Пасть пса щелкнула в каких-то пяти сантиметрах от щеки Марка, обдав его кожу горячим зловонным дыханием и хлопьями пены. Но Воронов не отшатнулся. Его руки, натренированные в элитных спортзалах, напряглись, стальные сухожилия натянулись канатами. Он прижал мощного зверя к столу, намертво зафиксировав лопатки.

— Держу! — прорычал Марк, и в его голосе звенела незнакомая ему самому яростная решимость. — Даша, вяжи!

Я мгновенно захлестнула марлевую петлю вокруг собачьей пасти, перекрестила концы под челюстью и крепким морским узлом затянула на затылке. Пасть была заблокирована. Павел Петрович, не теряя ни мгновения, вогнал длинную иглу с анестетиком в край рваной раны.

Через минуту новокаин подействовал. Напряжение в теле Барона начало спадать, рычание перешло в глухой, жалобный стон, и пес тяжело уронил забинтованную морду на холодную сталь стола.

— Молодец, парень, — коротко бросил Павел Петрович, щелкая иглодержателем. — Держи еще пять минут, пока сосуды зажму.

Следующие полчаса прошли в молчании. Слышался лишь стук инструментов, шорох нити и дыхание собаки. Марк не ослаблял хватки. Он стоял, навалившись на стол, чувствуя мое плечо, и пот катился по его виску на ворот джемпера.

Когда последний стежок был положен, а лапа Барона укутана в толстый слой бинтов и эластичной сетки, хирург выпрямил натруженную спину и с облегчением выдохнул.

— Жить будет охранник. Мышцы сшили, связки целы. Мужики, забирайте бойца, через три дня на перевязку.

Рабочие бережно переложили обмякшую собаку обратно на носилки, рассыпались в путаных благодарностях и понесли пса к выходу.

В смотровой снова стало тихо.

Марк медленно оторвал руки от стола. Пальцы мелко дрожали от напряжения и адреналина. Джемпер потемнел от пота, на щеке белел след от слюны добермана, дыхание вырывалось прерывистыми толчками.

Он посмотрел на свои ладони, потом на меня. Пальцы еще сохраняли форму захвата, хотя собаку уже унесли. Марк разогнул их по одному и выдохнул с таким удивлением, будто только сейчас поверил: удержал.

Я взяла со столика чистое сухое полотенце и протянула ему.

— Не сдрейфил, — произнесла я тихо, глядя ему прямо в глаза. — Молодец, Воронов. Честно.

Марк принял полотенце, провел им по мокрому лицу и нервно усмехнулся уголком разбитых усталостью губ.

— Это... это было близко, — глухо выговорил он, опускаясь на металлический табурет. — Я думал, он снесет мне пол-лица.

— Мог снести, — согласилась я. — Но ты не отпустил. Для городского пижона весьма неплохой результат.

Он поднял на меня взгляд, собираясь огрызнуться, но не успел.

Из коридора донесся истошный, утробный вой, от которого у меня мороз продрал по коже, а следом раздался звонкий металлический грохот опрокинутой клетки.

Глава 8

Вой за дверь процедурной не просто пугал, он поднимал дыбом волосы на затылке. Это был плотный, утробный звук, в котором ярость уличного бойца смешивалась с отчаянным предупреждением всему живому.

Я первой выскочила в коридор. На пороге приемного покоя, забившись в угол между фикусом в кадке и стойкой, стояла пожилая дворничиха тетя Клава в ватнике. У ее ног валялась тяжелая пластиковая переноска с сорванной металлической дверцей. А на вершине высокого шкафа с регистрационными папками сидел виновник переполоха.

Это был Васька. Легенда таганских дворов, гроза помоек и одноухий ветеран сотен стычек. Серая шерсть свисала жирными сосульками, морда и лапы были густо перемазаны в черном машинном мазуте — видимо, кот грелся под грузовиком на автобазе. Вдобавок правое разорванное ухо раздулось до размеров сливы от багрового гнойного абсцесса.

Кот шипел, как раскаленный паровозный котел, хлестал облезлым хвостом по стопкам карточек и при малейшей попытке приблизиться выпускал кривые желтоватые когти длиной в добрых полтора сантиметра.

— Дашенька, милая, он же околеет во дворе! — причитала тетя Клава, прижимая заскобленные ладони к груди. — Я его тряпицей поймала, в ящик сунула, а он как крутнет, дверцу вышиб! Весь в саже, воняет керосином, ухо набок! Помогите, Христа ради!

Следом за мной в коридор шагнул Воронов. Он все еще был в нелепом синем фартуке с кошачьими мордами, но теперь на его породистом лице застыло выражение мрачной фатальности человека, понявшего, что худшее в этой ночи еще только начинается.

— Это... это кот? — спросил Марк, задирая голову и с недоверием разглядывая черное шипящее чудовище под потолком. — Больше похоже на результат неудачного военного эксперимента.

— Это Васька, хозяин района, — отозвалась я, прикидывая план штурма. — И если мы не смоём с него токсичный мазут и не вскрыем этот нарыв, до утра он протянет вряд ли. Слижет химию с шерсти, откажут почки.

Павел Петрович выглянул из операционной, оценивающе прищурился на шкаф и покачал головой.

— Сверху его не снимешь, глаза выцарапает. Даша, неси плотное ватное одеяло из подсобки. Будем пеленать. Воронов, готовь ванну в процедурной. Наполняй эмалированный таз теплой водой и ищи на полке коричневую бутылку с дегтярным шампунем. Лить щедро, мазут обычной пеной не снимешь.

Марк молча повернулся и пошел выполнять команду. Я успела заметить, как он поморщился, наступая на мокрую штанину, потом подтянул штанину и спросил на ходу, где взять таз побольше. Санитарная дисциплина начинала давать плоды.

Через три минуты операция захвата была завершена. С помощью длинной деревянной швабры и старого ватного одеяла мы с доктором загнали шипящую бестию в угол шкафа, накрыли плотной тканью и спеленали в тугую, яростно шевелящийся и матерящийся на кошачьем наречии кокон.

Я внесла брыкающийся сверток в процедурную. Там уже стоял большой овальный таз, до половины наполненный мыльной коричневой жижей. Едкий, густой, смолистый дух березового дегтя намертво перебил больничным запахом спирта и хлорки.

Воронов стоял у края стола в боевой стойке. Он снова натянул желтые резиновые перчатки, заправил выбившиеся пряди за уши и смотрел на таз с решимостью гладиатора перед выходом на арену.

— Слушай меня очень внимательно, Воронов, — предупредила я, укладывая одеяло на край стола и готовясь развернуть верхнюю часть. — Твоя задача — фиксация.левой рукой берешь кота за загривок. Хватай не шерсть, бери всю складку кожи у самого основания черепа, прижимая подбородок к груди. Правой рукой намертво перехватываешь обе задние лапы чуть выше суставов. Держишь намертво, словно в тисках. Если расслабишься хоть на долю секунды, он провернется и распишет тебе ладони под хохлому. Готов?

Марк сделал глубокий вдох, шумно выдохнул через нос и кивнул.

— Готов.

Я распахнула край ватного одеяла.

В ту же секунду из ткани вырвалась черная молния. Васька мгновенно оценил перспективу водных процедур и решил продать свою шкуру как можно дороже. Он издал такой утробный, демонический вопль, что в смотровой зазвенели ампулы. Кот выгнулся дугой, вздыбил остатки шерсти и ринулся в бой.

Марк среагировал на удивление четко. Его пальцы в желтой резине сомкнулись на толстом загривке, а вторая рука перехватила мохнатые задние лапы. Он поднял извивающегося зверя в воздух и опустил в таз с мыльной водой.

И тут разверзся ад.

Почуввав воду, Васька превратился в реактивный миксер. Мыльная жижа ударила веером, заливая стол и кафель. Кот крутился штопором, вырывая скользкие лапы. В отчаянном рывке он изогнулся, вывернул переднюю лапу и дотянулся ею до плеча Марка, всадив когти в тонкую ткань джемпера.

Раздался сухой, жалобный треск дорогой пряжи.

Когти уличного бродяги распорили тончайший итальянский кашемир на лоскуты, содрав добрый клочок элитной шерсти и оставив на смуглой коже плеча глубокую алую борозду.

Марк глухо охнул от неожиданной боли, лицо его перекосилось, но хватку на загривке он не ослабил ни на миллиметр. Напротив, он сжал зубы так, что послышался отчетливый

скрежет, и удержал брыкающуюся серую тушку над водой, пока я перехватывала свободную лапу.

— Сидеть, чудовище! — прорычал он в черную усатую морду.

Васька не остался в долгу. Он оттолкнулся передними лапами от дна таза, взметнул фонтан коричневых брызг, и густой комок вонючей дегтярной пены с влажным шлепком прилетел Марку аккуратно в переносицу.

Пена брызнула на лоб, залепила темные брови, заляпала модельную стрижку и ленивыми мыльными ручьями потекла по гладко выбритым щекам прямо на губы. Воронов зажмурил один глаз, отплевываясь от горького дегтя, но продолжал держать кота железным капканом.

Я не теряла времени. Вооружившись жесткой поролоновой губкой, я с ожесточением принялась оттирать мазут с боков и лап зверя. Черная смола неохотно, серыми хлопьями растворялась в мыле, стекая в таз. Васька хрипел, пускал пузыри, извивался, но против двух людей и дегтярной пены выстоять не смог.

Подоспевший Павел Петрович быстро обработал нарыв антисептиком, ловким точным движением ланцета вскрыл капсулу абсцесса и промыл полость раствором хлоргексидина. Кот лишь коротко взвизгнул, выпустил последнюю струю матерного шипения и окончательно обмяк, признавая временное поражение.

— Ну вот и все, отвоевался полководец, — удовлетворенно хмыкнул доктор, заклеивая ухо защитным пластырем. — Даша, смывай пену чистой водой и кутай в махровое. Парень чист, как младенец, хоть сейчас на выставку.

Я завернула мокрого, источающего густой березовый дух Ваську в сухое махровое полотенце, оставив снаружи только свирепую морду с торчащими усами, и заперла в теплом нижнем вольере стационара. Кот свернулся в углу, сверля меня из темноты горящими желтыми глазами, полными праведной уличной мести.

Я вернулась к столу и посмотрела на Воронова.

Зрелище было монументальным. На плече его джемпера за девяносто тысяч рублей зияла рваная дыра размером с ладонь, сквозь которую виднелась вспухшая царапина. Синий фартук с котами был сплошь заляпан черными мазутными разводами. На голове холеного совладельца элитных клубов возвышалась коричневая шапка из дегтярной пены, сползавшая на левое ухо, а по подбородку стекала темная мыльная струйка.

Марк стоял неподвижно, тяжело дыша через нос, и пытался смахнуть пену со лба плечом разорванного джемпера, отчего размазал ее еще шире.

— Скажи мне, Соколова... — Он приоткрыл правый глаз, увидел мое перекошенное от сдерживаемого смеха лицо и тяжело вздохнул. — Этот шампунь отмывает только мазут, или вместе с кожей сходит? Потому что у меня стойкое ощущение, что я законсервирован на ближайшие триста лет.

Я прикусила нижнюю губу, чувствуя, как внутри зарождается смех, но постаралась удержать лицо.

— Деготь полезен для мужской шевелюры. Укрепляет волосяные луковицы, стимулирует кровообращение. В твоём элитном спа за такую процедуру содрали бы тридцать тысяч.

— Обязательно передам их маркетологам твою методику, — пробормотал Марк, стягивая зубами резиновую перчатку. — Прямо так и скажу — ловите бродячего кота, мажьте клиента в таз и не забудьте про когти в плечо для лучшего тонуса.

Он шагнул к металлической раковине, чтобы смыть пену под краном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.